

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

О согдийцах¹.

В истории иранских народов наблюдаются случаи какой то загадочной краткопамятности по отношению к своему прошлому. Самое поразительное из подобных явлений—почти полное исчезновение из памяти народа тех царей, той династии, которая, положив основание величию и могуществу Персии, выдвинула ее в ряд великих держав древности. Объяснить такое забвение, как то было сделано, отсутствием в стране исторической науки, или тем, что эпическая литература сложилась на востоке, далеко от колыбели первоначального величия народа, или же попытками, политического и религиозного характера, затушевать период истории, показавшийся развившимся впоследствии националистическим течением, не входящим в их расчеты,— все подобные попытки объяснения не могут не казаться неудовлетворительными. Приходится считаться с фактом, что в памяти персидского народа весь или почти весь ахеменидский период, исторические цари Кир, Камбиз, Великий Дарий не только забыты, но даже заменены совершенно легендарными Пишдадиями и их преемниками из рода Каянидов, к которым примыкает последний Дарий, связывающий эту династию с Александром Македонским. Известно также отношение персов к династии парфян, называемой *ملوك الطوائف*, весь почти 500-летний период которых даже такой знаток преданий как Фирдауси комкает в одно царствование, посвящая им всего несколько стихов. История Персии для персов начинается только с Сасанидов, причем на основателя этой династии переносится ахеменидская легенда.

Другой пример такой забывчивости касается той ветви иранского народа, которая, первая, надо полагать, из всех родственных племен перешла к оседлости, и в долине Зерафшана основала один из самых выдающихся центров, а по времени вероятно первый центр иранской культуры, распространяя свое

¹ Из доклада, читанного 24 декабря 1919 г.

вливание далеко за пределы первоначальной родины, с одной стороны до Китая, с другой через Кавказ и южную Россию вплоть до Крыма. Народ этот согдийцы. Выполнив в течение полутора тысячелетий роль носителя культуры в большей части средней и восточной Азии, он сошел со сцены, смытый волною турецкого и арабского нашествий. А когда в начале X в. Саманиды прочно укрепили свою власть во всем Мавера'аннахре, о Согде и согдийцах стали забывать и покорители и сородичи-соседи и также прямые их потомки, т. е. сохранившиеся до наших дней в туркестанских и припамирских горах иранские племена, специально ягнобцы и переселившиеся в кавказские ущелья осетины¹. Забыла о них и европейская наука. Найденные первой немецкой турфанской экспедицией образцы манихейско-согдийских текстов, изданные впервые в 1904 F.W.K. Müller'ом, им же были определены как *Pehlevi-Dialect*². На то, что язык этот согдийский, впервые указал Andreas³.

Первые сведения о согдийцах дают клинообразные надписи Дария. В перечне провинций *Suguda* или *Sugda* встречается по соседству с *Uvarazmiya* и *Bakhtiris*. Геродот упоминает о Σοῦδοι: в списке податных округов Дария, а потом по случаю смотра в Дориске во время похода Ксеркса, где они фигурируют рядом с парфянами, хоразмийцами, гандарцами и дадикцами⁴. К древнейшему периоду относится также свидетельство Вендидада, ибо к какому бы времени ни отнести дошедшую до нас редакцию Авесты, перечень творений Ахурамазды в первом фаргарде несомненно стар, а в нем *Gāum yim sughdhošayanem*⁵ является вторым после творения *Airyana Vaēja*.

Историки Александра Македонского уделяют согдийцам значительное место. Поход Александра застает их на высокой ступени культуры с широко выработанным феодальным строем и высоко развитым нравственным уровнем свободолюбивого, независимого рыцарства. Начиная с II века до Р. X.

¹ Настоящая статья была написана в 1919 г. С тех пор открылись новые горизонты. Лингвистические исследования акад. П. Я. Марра ввели яфетические народы, как основной этнический элемент, в поле зрения доисторической этнологии Средиземноморья. Результаты его исследований вносят коренные поправки в господствовавшие до сих пор взгляды на расселение, миграции и генетическую связь народов, населяющих средиземноморские и припониийские области. См. главным образом П. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании средиземноморской культуры, Лейпциг 1920. Его же статьи в Яфетическом Сборнике (*Recueil Japhétique*), I, Пгр. 1922, passim., специально стр. 67 сл.—О вторжении индоиранцев в переднюю Азию трактует H. H. Hsing, *Die Inder von Boghaz-Köi*, *Prace lingwistyczne, ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay*, Kraków 1921, стр. 151 сл.

² *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkestan. II. Teil* (Anhang zu d. Abh. d. k. preuss. Ak. d. Wiss. vom Jahre 1904, Berlin 1904) pp. 3, 96, 100, 102, 110.

³ Cf. F.W.K. Müller, *Neutestamentl. Bruchstücke in soghdischer Sprache*, *Sitzungsber. d. K. Preuss. Ak. d. Wiss.*, 1907, p. 260.

⁴ Геродот, VII, 66

⁵ Vend., 1, 4.

к классическим присоединяются китайские источники. Древне-согдийские документы, найденные Sir Aurel Stein'ом в одной из разрушенных башен китайской стены, указывают как на *terminus ante quem* начало нашей эры. Западные и китайские источники V и VI в. дают сведения об оживленной торговле шелком и алмазами между Византийской империей, Индией и Дальним востоком, находящейся в руках согдийцев. Впоследствии открытые памятники письменности указывают на то, что в VII в. в области Лобнора имелась цветущая согдийская колония, достигшая в VIII в. полной автономии под своими же князьями. Найденные в Турфане согдийские памятники свидетельствуют о паличии и там согдийцев¹, и можно полагать, что по всему северному торговому пути в Китай были разбросаны подобные колонии. Насколько такая колонизация, такое выселение из родной страны для согдийцев являлось добровольным — неизвестно, ясно однако, что как распадение грекобактрийской державы под натиском надвигающихся во II в. до Р. Х. Да-юэ-чи и следующих за ними Хун-ну так и начинающийся вскоре развал парфянского могущества не могли не отразиться на политическом положении Согдианы. Главным источником для этого периода является реляция китайского генерала Чжан-цзяня, с политической миссией отправленного императором ханьской династии к Да-юэ-чи. Когда в 226 г. нашей эры произошло политическое и религиозное возрождение Персии под национальной династией Сасанидов, древнейший центр иранской культуры не вошел в ее состав.

В конце I столетия нашей эры в Китай проникает буддизм. Известно, что своим распространением в поднебесной империи он в значительной мере обязан переводческой деятельности иранцев, в том числе и согдийцев. Впоследствии эта деятельность согдийцев распространяется также на другие ввезенные с запада в Китай религии, христианство и манихейство. Между прочим автором сравнительно поздней несторпасской надписи в Си-ань-фу 781 г. является также «перс», т. е. согдиец Цзин-цин (Адам)². С IV в. начинаются паломничества китайцев в святые места буддизма. Первый из паломников, оставивший описание Индии — Фа-сянь (399-414); в VII в. Сюань-цзап (629-645) и И-цзян (671-695) дают драгоценнейшие сведения историко-географического характера не только об Индии, но также о прилегающих странах и народах.

С VI века на северо-восточном горизонте являются вновь сплоченные, неудержимодвигающиеся турецкие кочевники. Древне-турецкие, т. е.

¹ Ср. между проч. Pelliot, *Les influences iraniennes etc.* (Revue d'hist. et de littér. relig., 1912) pp. 11 et 18 (отд. стр.).

² Chavannes et Pelliot, *Un traité manichéen etc.*, p. 158 (134)

орхонские надписи дают сведения о событиях VII и VIII ст., подтверждаемые арабскими источниками VIII и следующих столетий, в которых подробно описывается поход на Мавера'аннахр омаядского генерала Кутейбы. Особенно ценны, помимо изложения событий политической истории, сведения о народах Туркестана, собранные в хронологии Бируни (X в.) и в истории Бухары Нершахи, написанной в середине X в., но дошедшей в сокращенном персидском переводе XIII ст. В данный период согдийская страна не представляет уже политической единицы, а распалась на мелкие, враждующие между собою княжества с независимой и непокорной родовой и финансовой аристократией, что значительно облегчало задачу как турецких, так и арабских завоевателей. Эти княжества находились очевидно в более или менее сильной зависимости от турецкого хакана, и иногда, как напр. еще в VII в. в Чаче, были возглавляемы турецкой династией. Рядом с упоминаемыми у Табары и других титулами князей *ихшад*, и *абшин* (и то и другое стоит очевидно в связи с согдийским глаголом 'γš'у-, 'γš'ут- «велеть царствовать»)¹ приводится имена явно инородческие, как напр. имя бухархудата Тугшада или князя согдийского Тархуна.

Культурное значение согдийцев в полном объеме пока еще далеко не выяснено. Однако на основании исследований объединенных историков, филологов и лингвистов, на Западе Andreas, Tomaschek, FWKMüller, Marquart, Stein, Chavannes, Gauthiot, Pelliot и др., у нас К. Г. Залемана и В. В. Бартольда постепенно получается более полная картина того первенствующего значения, которым пользовались согдийцы во всей Средней Азии в качестве посредников культурных сношений между Западом и Дальним Востоком.

Хотя, как было упомянуто, согдийцы уже давно не представляли объединенного политического целого, однако в глазах народов, окружающих их средне-азиатские колонии, еще в IX в. их политический вес считался очевидно достаточно значительным, чтобы например на карабалгасунской стеле, надпись которой повествует об обращении уйгурского хакана и его народа в манихейство, на ряду с государственными языками, уйгурским и китайским, фигурировал также и согдийский. FWKMüller в 1909 г. был очевидно склонен видеть в данном факте, на наш взгляд первостепенного политического значения, не что иное как уступку, сделанную согдийскому языку в качестве разговорного языка перских манихейцев Средней Азии².

¹ Во втором термине с (диалектическим?) переходом γ в f; впрочем формы неясны: Gauthiot, *Essai de Gramm. sogd.*, I, pp. 43, 71, 116, 163. Сравни. 'axš'vānā «der Herr» в карабалгасунской надписи у FWKMüller, *Sitzungsber. d. K. Preuss. Akad. d. Wiss.* 1909 p. 728.

² *Sitzungsber. d. K. Preuss. Akad.*, 1909. p. 727.

Это он отметил впервые еще в 1904 г. по поводу согдийской колонии в Турфане, на основании изданных им двуязычных манихейских фрагментов, где рядом с пехлевийским текстом являются заглавия или параллельный текст на согдийском языке¹. О том, что в городе Баласагуне (в Семпречье, на Чу) говорили по согдийски свидетельствует только что полученное в Петербурге константинопольское издание (1914 г.) литературного памятника XI в., а именно словарь Махмуда Ал-Кашгари I, 391 и сл.

Рядом с родовой аристократией-дихканами в согдийских владениях, благодаря транзитной торговле, развилась могущественная финансовая аристократия, мало чем отличающаяся от первой, жившая отчасти также в прилегающих к городам замках и держащая себя также независимо. Табари в рассказе о выселении согдийцев называет этих купцов рядом с дихканами-князьями². При взятии Кутейбою купеческого города Пейкенда было найдено огромное количество всякого оружия. Названия ворот, площадей и улиц согдийских городов связаны с купеческим бытом. Китайские источники VII в., отмечая значение согдийцев для торговли средней и восточной Азии, между прочим отмечают, что мальчиков с пятилетнего возраста обучали приемам счетоводства и торговли³.

Вот эти разбогатевшие караванной торговлею купцы очевидно являются основателями появившихся по всему китайскому тракту эмпорий, новых центров иранской культуры. Рука об руку с торговым посредничеством идет конечно распространение прочих культурных достижений, в первую очередь пропаганда религиозная, и мы видим, что все четыре главных доисламских религии средней Азии, зороастризм, буддизм, манихейство и несторианское христианство тесно связаны с согдийцами. Количественно среди до сих пор обнаруженной литературы преобладает буддизм, затем идет христианство, а на третьем месте только манихейство. Зороастрийских памятников на согдийском языке не найдено, быть может только пока не найдено. Однако в том, что маздеизм был первоначальной религиею согдийцев, в виду единогласия источников сомневаться не приходится. За перечнем Вендидада можно не признавать исторического значения, отрицать его значение в религиозном отношении никто не станет, а там, как мы видели, страна Согд стоит на первом месте после Иран-вежа.

Тот ли самый был в Согдиане маздеизм, который нам известен по памятникам сасанидской эпохи, с достоверностью установить нельзя, однако

¹ Abh. d. K. Preuss. Akad., 1904, Anh. p. 96.

² Бартольд, Туркестан, II, стр. 183, 184; Неск. слов об арийск. культуре в Ср. Аз. (Ташкент 1896), стр. 6 сл.

³ Из лекций, читанных В. В. Бартольдом в ноябре 1919 г.; E. Chavannes Documents sur les Tou-kiuek occidentaux, 133.

имеются данные, указывающие на то, что мы здесь имеем дело скорее с дореформенною, так называемой «мидийской» т. е. старою верою джаду-перестов, киков и карапов священных писаний. Указывает на то, между прочим, различие в погребальных обрядах. Найденным в Туркестане оссуариям, как известно, были посвящены, главным образом русскими учеными, многочисленные исследования. Обычай сохранять кости умершего в глиняных, часто художественно орнаментированных, сосудах совершенно не вяжется с предписаниями сасанидского маздеизма. Однако и письменные памятники на протяжении целого тысячелетия повествуют о каких-то поражающих чужестранцев приемах обращения с трупами, применяемых в Согдиане, Бактрии и в прилегающих странах. Страбон говорит (XI, 11), что правами эти народы мало чем отличаются от соседних кочевников. О бактрийцах сообщается, что они престарелых и больных живыми (sic) давали пожирать специально для этой цели воспитываемым собакам, на их языке называемым «могильщиками», и что улицы Бактры были покрыты костями покойников. Этот обычай был будто-бы отменен Александром Македонским. Учитывая некоторые недоразумения, сообщение Страбона в общем заслуживает доверия. О собаках, воспитываемых для пожирания трупов, много столетий спустя повествуют также китайские¹ источники. Юстин (II в. по Р. Х.) сообщает о парфиянах, что они зарывают в землю *puda ossa*; в VI и VII вв. об оссуариях не говорится. Рассказ Нершахи об убийстве в Самарканде бухархудата Тугшаде кончается замечанием, что, очистив труп от мяса, кости перевезли в Бухару².

Так, с I до XI в. по Р. Хр. погребальные обряды в Бактрии и Согдиане *mutatis mutandis* оставались очевидно весьма похожими; они во всяком случае значительно отличались от принятого в реформированном маздеизме выставления трупов на дахмах. На дореформенный маздеизм или по крайней мере на разновидность его по отношению к сасанидскому, указывает также отмечаемое Бируни различие в календарях согдийцев и маздеистов Персии. Как бы то ни было, все писатели трактующие о согдийской стране единогласно признают наличность в ней веры магов и культа огня. Описываются храмы огня, обычай и праздники огнепоклонников. Весьма значительно количество географических названий, в которые входит слово *магмуг*, например, Мугкеде, Мугкан, Кэшки муган, Муг (развалины). Что касается буддизма, то его во II веке до Р. Х. по свидетельству китайского посланника Чжан-цзяня в Согде еще не было. К этому же времени отно-

¹ Chavannes, Documents etc., 133 и 312.

² Nerchakhy, ed. Schefer p. 7; Tabari, II, p. 1694; см. Бартольд, Ср.-Аз. Вост. (Ташкент). Июнь 1896, отд. отд., стр. 8.

сится обоснование на развалинах греко-бактрийского царства народом Да-юэ-чи своего могущества, впоследствии тесно связанного с буддизмом, но к сожалению отношения Согда к индо-скифской державе далеко не выяснены. Однако, как название города Кушаниэ, который Истахри называет «сердцем согдийских городов», так и титул кушаншах, по Ибн Хордадбеку некогда присвоенный владельцу всего Мавера'аннахра, и перешедший впоследствии к сменившим индо-скифов эфталитам-хайталам¹, указывают на вероятность, что кушаны и в религиозном отношении овладели Согдом.

Китайские источники от V до VII в. констатируют наличие прочно обосновавшегося культа Будды как в Бактрии, так и в Согдиане. Так как Мавера'аннахр не входил в Сасанидскую империю с ее ревниво охраняемой государственной религиею, яро преследующей все ипославные культы, то надо полагать, что то, что Сюань-цзан и Бируни сообщают об отсутствии, в их время, фанатизма и о веротерпимости согдийского зороастризма по отношению к буддизму², к христианству и к манихейству, а также к бесчисленным более или менее дуалистическим сектам вплоть до коммунистов-маздакитов включительно, может быть применяемо также и к более раннему периоду. Более, на почве веротерпимости, под эгидою в то время еще мало культурных Да-юэ-чи и позже турков, не более культурных и к тому же вообще хладнокровно относящихся к вопросам веры, могло произойти нечто более значительное для истории развития религий в средней Азии, а именно некоторое смешение автохтонного зороастризма с наносным буддизмом. Об аналогичном явлении в Индии в I в. нашей эры свидетельствуют монеты индо-скифских царей, где рядом с греческими богами встречаются изображения Будды и мазденстских божеств³. Косвенным подтверждением такого рода смешения у согдийцев может между прочим служить наличие в пантеоне позднейшего согдо-уйгуро-монгольского буддизма богов Аэруа и Хормузда⁴, внесение которых упорно приписывалось манихейству⁵ и служило

¹ Бартольд, Туркестан, II, стр. 98.

² Впрочем к Самарканду это относится только условно. Сюань-цзан повествует, что в его время там имелись два покинутых буддийских монастыря; но когда монахи-иностранцы рассчитывали найти в них приют, местные варвары изгоняли их оттуда горящими головнями. Вследствие жалобы Сюань-цзана царь велел наказать ревнителей; монастыри были восстановлены и много народу обращено в буддизм. См. St. Julien, Hist. de la vie de Hiouen-thsang etc., Paris 1853, p. 59 sq.—Этим указанием, как и рядом других, и обязан академику В. В. Бартольду.

³ См., между прочим, Sir Aurel Stein, Zoroastr. Deities on indo-scythian coins, Orient. and Babyl. Record, 1887.

⁴ Аэруа согд. 'zrw' = авест. zrw an [акагана], высшее божество последователей зерванитского толка, в средне-азиатском буддизме заняло место Брахмы, Ормазд-Хормузда заменяет Индру.

⁵ См., между прочим, Chavannes et Pelliot, Unt raité manichéen etc., JA, 1911, p. 543 и.

одним из доводов в пользу того, что в средней Азии манихейство по времени предшествовало буддизму. В действительности упомянутого чередования не приходится сомневаться, поскольку речь об успехах в средней Азии буддизма в X и следующих столетиях, перед которыми манихейство постепенно отступает до окончательного его исчезновения в китайском Туркестане и прилегающих странах в XIII в., чему впрочем в значительной степени способствовали с другой стороны успехи ислама и начинающееся отуречение всего края. В самом Китае манихейство еще со времени официальной проскрипции в 843 г. вынуждено было прикрываться флагом даоизма или буддизма. С XI в. секта «Белого Будды», т. е. манихейство, считалась одной из 96 ересей¹, однако иначе обстояло дело в период времени до VIII в., перед тем как в 763 г. уйгурский хакан со всем своим народом обратился в веру «Посланника Света». Проф. Pelliot сомневается в том, что уйгуры до обращения в манихейство исповедывали буддизм и усматривает указание на шаманство в словах карабалгасунской надписи: «прежде я был невежеством и называл *Буддою* демонов (демона)»². Допустим, что в буддизме уйгуров легко могли сохраниться пережитки шаманства, однако контекст, мне кажется, подтверждает, что речь здесь именно о буддизме, хотя бы в несколько видоизмененной на уйгурский лад форме, но всетаки о буддизме, который турки повидимому получили, как и впоследствии манихейство, из Китая и по всей вероятности через посредство согдийцев. В наличии, распространении и расцвете буддизма у согдийцев в период до VIII в. многочисленные дошедшие тексты сомневаться не позволяют. Тем обстоятельством, что согдийцы исповедывали буддизм до появления у них манихейства, объясняется отчасти архаичность языка буддийских текстов по сравнению с манихейскими и христианскими, хотя здесь безусловно надо считаться также и с весьма существенными диалектическими различиями. С некоторой точностью географически разграничить эти три разновидности согдийского языка пока еще не представляется возможным³.

Мы видели, что первоначальной религией согдийцев, по всей вероятности, был один из видов маздеизма, рядом с которым быть может уже в период кушанов уживается буддизм, как наносный элемент. Манихейство же, кажется нам, обязано своими успехами среди согдийцев именно смешению двух господствовавших до него религий, подготовивших для него почву. Если, как известно, в догматику манихейства наряду с гностическими учениями вошли основные представления маздеизма, то в ритуале и в приемах

---

¹ Ibid. II, p. 290.

² Ibid. II, p. 217.

³ См. Gauthiot, JA, 1910 p. 542 и Essai de gramm. sogd., p. VI.

эксегетики, в построении религиозных трактатов-сутр наблюдается старание подлаживаться под буддизм. Возможно, что такое раннее, доманихейское, смешение двух упомянутых религий и отражается на позднейшем часто замечаемом их смешивании в представлениях широких слоев иранского общества. Так, например, показания Сюань-цзапа, Ибн Факиха и других не оставляют сомнения, что известный балхский храм-монастырь Наубехар (*nava-vihāra*) служил культу Будды¹, однако согласно маздеистскому преданию, вошедшему в Шахнамэ, где храм называется Нуш-адар, в него удалился от престола и мирской суеты престарелый царь Лохрасп, и в нем же нашел последний приют и был убит «каким то турком» сам Зороастр. Уже не к области предания, а ко вполне историческому времени, близкому к Сюань-цзапу и Ибн Факиху относятся многочисленные везиры аббасидских халифов, представители знатнейшего персидского рода Бармекидов. По Ибн Факиху Наубехаром издавна заведывала именно эта самая семья Бармекидов, однако их персофильская политика и симпатии к домусульманской, сасанидской Персии, приведшие наконец при Харун-ар-Рашиде к гибели всего рода, не одними только парсами толковались как явный уклон к зороастризму².

Количественно второе место за буддизмом в религиозной литературе согдийцев пока занимает христианство, третье — манихейство, но это как мы видели является вероятно случайностью в зависимости от открытого или скорее, от изданного материала.

Согдийское письмо, — я не говорю ни о манихейском ни о видоизмененном сирийском, которыми пользовались преимущественно для начертания манихейских и христианских текстов, хотя попадаются таковые и согдийским шрифтом, — настоящее, подлинно-согдийское письмо восходит к одному из арамейских алфавитов. Открытые Штейном древне-согдийские документы не оставляют ни малейшего сомнения в такой связи. Впоследствии оно было в более позднем виде заимствовано и искажено уйгурами. Что касается письмен орхонских надписей, то V. Thomsen и Gauthiot полагают, что и они восходят к согдийскому алфавиту³. Вместе с письмом прилегающие к согдийцам и их колониям народы, турки и монголы заимствовали, помимо культовых терминов в роде *vrh'r* «храм, монастырь» (скр. *vihāra*), *βwos'nt* «пост» (пракр. *posaha*), *βr'hm'n*, *βr'hm'nč* «брахман, брахманка», *wp's'k*, *wp's'nč* «*urāsaka*, *urāsika*» целый ряд слов, вошедших полноправными членами в их

¹ Бартольд, Туркестан, II. стр. 79.

² См. м. пр. Flügel, Mani, p. 107, 407.

³ Gauthiot, Essai de Gramm. sogd., p. 2 и 5.

словарь, напр. тур. *отак* «хята, кибитка» согд. 'wt'k, тур. *ābis* «злой» согд. 'βuz', тур. *хатун* «дама, царица» согд. γwt'yn' и другие¹.

Эпиграфически и лингвистически наиболее архаичными являются условно буддийские тексты, за ними— манихейские, на диалекте сильно отличающемся от языка первых и из которых к сожалению опубликовано всего с небольшим две страницы и несколько строк в *Handschriftenreste etc. F W K Müller'a*, Позднейшими же представляются христианские тексты (с сильно стертymi формами языка и искаженными до чисто уйгурского типа начертаниями, сколько можно судить по факсимиле несторианской исповеди в *Sogdische Texte, I. F W K Müller'a*. Насколько это доказательно для чередования у согдийцев названных трех религий, как мы видели, трудно решить. Датированных текстов не имеется, *terminus ad quem* кроме как для древне согдийских документов Штейна, установить нет возможности. Gauthiot полагает, что вывезенные проф. Pelliot из Дуң-хуана тексты, с которыми по языку и *ductus'у* письма в точности совпадают приобретенные там же (Г. Ф. Ольденбургом два отрывка², относятся к периоду расцвета согдийской письменности т. е. к VII-VIII в. Факт тот, что к концу VII в. все три религии и все три разновидности языка у согдийцев палицо. К туркам христианство и манихейство, повидимому не без содействия согдийцев, попали вероятно через Китай, где о манихействе впервые упоминается в 694 г.³, между тем как христианство, пропикшее морским путем, появляется в Китае на 60 лет раньше.

Одним только временем объяснить весьма значительную стертость форм манихейских и христианских текстов по отношению к буддийским конечно нельзя. Помимо упомянутых диалектических различий, среди которых— такие существенные как переход *δ* в *l*, надо в широкой мере считаться с более или менее развитой традицией у последователей данных религий, причем самым стойким по отношению к сохранению старого языка оказался бы буддизм; манихейские же и христианские тексты являлись бы в таком случае написанными на современных составлению их разговорных разновидностях языка данной местности.

Ф. Розенберг.

¹ Ср. Salemann, Bull. de l'Acad. d. Sc. 1913, p. 1131.

² Первый из них (0¹) издав мною в ИРАН 1918 стр. 817 сл., второй (0²) там же, 1920 стр. 399 сл. и 453 сл.

³ Между проч. Chavannes et Pelliot, Un Traité etc, II, 174 (150).